

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ РОМАНА БРЮСОВА *ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ*

Памяти Павла Наумовича Беркова

I.

Огненный Ангел В.Я. Брюсова - своеобразное явление в русской литературе: личная, биографическая основа мастерски скрыта в нем под тщательно выписанными аксессуарами средневековой Германии. Роман... не только знакомит нас с фактами культурной жизни, с воззрениями известной части немецкого общества XVI века, но представляет, до некоторой степени, "мемуари" Брюсова о его личной жизни и жизни группы, с которой он был связан в Москве девятисотых годов. Для нас это, следовательно, роман вдвойне "исторический".¹ Сопоставление реальных жизненных судеб с перипетиями героев *Огненного Ангела* позволяет с большей полнотой и глубиной раскрыть проблематику произведения.

Известно, что в сюжетную основу *Огненного Ангела* легли биографические коллизии: "треугольник" Рупрехт - Рената - граф Генрих соответствуют личные отношения Брюсова, Нины Петровской и Андрея Белого.² Брюсов, отразивший в романе свое увлечение Н.Петровской, сознательно запечатлел в отношениях персонажей реальные ситуации и характеры; более того, часто он преднамеренно конструировал в жизни явления с тем, чтобы воспроизвести их в *Огненном Ангеле* как можно более убедительно. О своем замысле Брюсов писал Н.Петровской: Там, на этих исписываемых мною страницах, Ты, та Ты, которую я знаю, которую люблю, которую хочу сохранить себе и миру - навек!³ В черновиках последовательно автобиографических глав романа мы находим пояснительные пометы Брюсова: Преимущ(ественно) о Белом⁴; Понял, чт(о) (е)е любов(ь) - истерия, не ко мне, не к Б.Н., а вообще.⁵ На жизненную основу романа многократно в своих мемуарах указывал и Андрей Белый; он писал, что Брюсовым осуществлена "мифизация" (...) наших отношений в эпоху 1904-1905 годов в его романе *Огненный Ангел*, где он меня удостоил роли графа Генриха.⁶ Особенно ярко о Брюсове - авторе *Огненного Ангела* писала в своих мемуарах Н.И.Петровская: (...) во мне он нашел многое из того, что требовалось для романтического облика Ренаты: отчаяние, мертвую тоску по фантастически-прекрасному прошлому, готовость шепр-

нуть свое бесценное существование в какой угодно костер, свернутые наизнанку, отравленные демоническими соблазнами религиозные идеи и чаяния (...), оторванность от бита и людей, почти что ненависть к предметному миру, органическую душевную бездомность, жажду гибели и смерти, - словом все свои любимые поэтические гиперболы и чувства, сконцентрированные в одном существе - в маленькой начинающей журнальке (...).⁷

Для пристального рассмотрения *Огненного Ангела* в биографическом аспекте необходимо подробное освещение взаимоотношений Брюсова, Андрея Белого и Н.И.Петровской в 1903-1905 гг., их сложных идеологических и психологических мотивировок.

С зимы 1903 г. все более крепнут, переходя в дружбу, личные связи Брюсова и Андрея Белого. Брюсов становится для Белого постоянным связующим звеном с кругом символистов, информатором о текущих литературных делах. Одновременно Белый интересуется и притягивает к себе Брюсова как талантливейший представитель нового поколения символистов (по многократным отзывам Брюсова). *Он очень настоящий человек, - признается Брюсов П.П.Перцову. - У меня душа успокаивается, когда я думаю, что он существует.*⁸ В то же время все более явственными становились различия жизненных концепций обоих писателей.

К началу 1903 г. вокруг Андрея Белого сплотились молодые московские поэты-символисты, художники и философы; образовался кружок "аргонавтов".⁹ "Аргонавты", вдохновлявшиеся религиозной философией позднего Владимира Соловьева, жаждали крутых изменений изначальных основ бытия, насыщения жизни новым духовным смыслом, пытались развивать апокалипсическое мирозерцание. Огромное влияние на них оказали также философско-поэтические произведения Ницше и, еще более, сама личность мыслителя, в их представлении трансформированная в образ нового "пророка". Андрей Белый впоследствии писал: *"Аргонавтизм" - не был идеологией, ни кодексом правил, или уставом; он был только импульсом оттолкновения от старого бита, отплытием в море исканий, который цель виделась в тумане будущего.*¹⁰ Действительно, Белый и не стремился к систематизированному выражению и логической аргументации своих духовных чаяний. Упоение музыкой зорь и стихийная, импульсивная передача эмоционального состояния - самозабвенного ожидания грядущих мистических катаклизмов, - в этом, по существу, и заключался весь пафос "аргонавтизма". Волнения и надежды Андрея Белого запечатлелись в его "мистической любви" к М.К.Морозовой, образ которой он наделял чертами высшей духовности. Послания Белого к Морозовой

служат красочной иллюстрацией к "аргонавтизму" как жизнеотношению в целом; приведем одно из них:

*Люблю. Радуюсь.
Сквозь видръ снегов, восторг метелей слышу лазурную
музыку Ваших глаз, Лазурь везде.
Со мной небо.
И заря моя не угасла. Вижу ее - мою розу - мировую,
нетленную, чистую розу -
- лучезарно мистическую.
Тучи снегов заматают границы жизни и смерти, но
заря моя не угасла. Вздохи снежных метелей и высоки, и восторженно
бурны, но еще выше лазурь знакомых глаз.
Христос - наше Солнце. Солнце близится. Оно бли-
зится. Наша Радость, Звезда наша - Она с нами.
Благословляю. Братски целую Вас - люблю Вас, сестра
моя во Христе.
Христос с Вами.
P.S. Опять замолчу.¹¹*

"Аргонавтические" откровения Андрея Белого неизменно облекались в подобную метафорическую форму; другим языком, собственно, они и не могли быть выражены. Характерен своеобразный синкретизм аргонавтических чаяний: они находили одинаковое или очень сходное воплощение в "жизни" (о чем свидетельствует пафос и стиль писем Андрея Белого) и в художественном творчестве (сборник стихотворений Андрея Белого *Золото в лазури*, симфонии и ряд его "поэтических" статей). Следует особо выделить в мистицизме "аргонавтов" тревожное ожидание скорого "исполнения сроков" и второго пришествия Христа; в частности, тема второго пришествия была выражена в первой редакции *Четвертой Симфонии* Андрея Белого, не дошедшей до нас,¹² ею проникнуты и письма Белого этого периода.

*Мы - стремились к "мистерии", к творчеству жизни, к конкретному
перевороту, - писал Андрей Белый. - Всем нам Брюсов был несколько чужд;
Александр Блок ощущался своим, родным.¹³* Действительно, по своим
идейно-эстетическим взглядам Брюсов оставался внутренне чужд жизне-
творческим исканиям Андрея Белого и его друзей - "аргонавтов", однако
его рационалистический ум, без сомнения, глубоко занимали подчеркнута
субъективные построения Андрея Белого; это находило естественное объ-
яснение в постоянном внимании Брюсова ко всем попыткам найти выход
из границ традиционного поэтического миропознания.

Отношение Брюсова к "аргонавтизму" Белого, как и вообще к новым
веяниям в символизме, было двойственным. С одной стороны, он не ску-
пился на иронию при обрисовке сатирического кружка: *Все, иже с Белым,
замкнулись в обществе "Арго", где выискивают "чистиз" духом и говорят
раз в неделю, по пятницам, о добродетели,¹⁴ с другой - стремился*

взвесь и глубоко осмыслить идеалы "младших" символистов и собственную в этой связи позицию, жалея даже, что ему недоступны прозреваемые ими мистические глубины. Так, в апреле 1903 г. в журнале *Ежемесячные сочинения* появилось стихотворение Брюсова *За оградой*; впоследствии оно было перепечатано в книге *Urbí et orbí*. под характерным заглавием *Младшим* с эпиграфом из Блока: *Там жду я прекрасной дамы:*

*Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.*

*А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.*

*За окнами свет непонятный и желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду..
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом прилипаю - и жду.*

*Там, там, за дверьми - ликование свадьбы,
В Дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!
Но пальцы бессильны и голос мой тих.¹⁵*

Стихотворение явилось откликом на появление в литературе "младших" символистов, прежде всего А.Белого и А.Блока; преграду между ними и собой Брюсов считает непреодолимой. К.В.Мочульский предлагает спорную, но во многом верную трактовку стихотворения: Брюсов понимал, что *Золото в лазури Белого* и *Стихи о Прекрасной Даме Блока* основаны на недоступном ему мистическом опыте, что "младшие" воспевают явление Вечной Женственности, видят зори, и слышат звуки, которых он не видит и не слышит. И он не скрывал своей зависти и обиды.¹⁶ Утверждение, что в стихотворении высказаны зависть и обида, достаточно произвольно. Брюсов только стремится преодолеть противоречия, сломать железные болты, но оказывается неспособным к восприятию мистических откровений.

Несмотря на различие психологических типов и жизненных концепций, стремление Брюсова и Андрея Белого к взаимоизучению и взаимопониманию усиливалось, их личные взаимоотношения в 1903 г. еще подчеркнуто дружественны и гармоничны. Оформляется литературно-издательское единство поэтов. Именно в конце 1903 г. организуется символистский журнал *Весы*, и Брюсов, его фактический редактор, приглашает Андрея Белого стать ведущим сотрудником *Весов*. Последующие их отношения, сложные, полные экзальтированной любви и ненависти, обусловлены, отчасти, наступившим кризисом мироощущения Андрея Белого и, в наибольшей мере, отношениями обоих поэтов с Н.И.Петровской.

Как предпосылку этих отношений можно рассматривать взаимный обмен поэтов стихотворными посланиями, в которых уже в 1903 г. наметились психологические мотивировки дальнейшего переплетения их судеб.

В символистском окружении все более определялось восприятие Брюсова как поэта-"мага", что в значительной степени объяснялось его общеизвестной увлеченностью спиритизмом и вообще тайными науками.¹⁷ Не удивительно, что Андрей Белый принял участие в создании Брюсову ореола вселенского мага: в 1903 г. появилось его стихотворение *В.Я.Брюсову*, впоследствии перепечатанное в сборнике *Золото в лазури* с тем же посвящением, но уже под названием *Маг*.

*Я в свисте временных потоков,
Мой черный плащ мятежно реущих.
Зову людей, ищу пророков,
О тайне неба вопиющих.
Иду вперед я быстрым шагом,
И вот - утес, и вы стоите
В венце из звезд упорным магом,
С улыбкой вещью глядите.
У ног веков нестройный рокот,
Летит, бунтуя в вечном сне.
И голос ваш - орлиный клетот -
Растает в холодной виаине.
В венце из звезд, над царством скуки,
Над временем вознесены,
Застывший маг, сложивший руки,
Пророк безвременной весны.¹⁸*

Свое стихотворение Андрей Белый считал прозорливым отображением духовного облика Брюсова. В письме к Э.К.Метнеру Белый дал развернутое истолкование того, что он понимает под брюсовским "магизмом": *Вы все еще вспоминаете мне, что я назвал "магом" Валерия Брюсова, но ведь "магизм" я понимаю в широком смысле, и как чудодейственность силы, употребленной не во славу Божию (как напр. у Лермонтова), так и отблеск того отношения к действительности, которое рождает магов в тесном смысле. А если бы Вы ближе узнали Брюсова, то Вы согласились бы, что он истинный маг в потенции - маг, как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург - белый маг. (...) Конечно Брюсов среди магов выдающийся, умный, знающий маг, к которому термин "пророк безвременной веси" подходит, ибо надвременность очень характерна в Брюсове. Может быть это у него только поза, но он великолепный в таком случае актер, когда в обществе "застывше" и "надременно" относится к окружающему. Кроме того, он до нельзя гивратичен в макерат - опять-таки черта магическая...*¹⁹

Брюсов, в свою очередь, в сборнике *Urbi et orbi* поместил стихотворное послание *Андрею Белому*, явившееся своеобразным откликом на

первое собрание стихов Белого и перепевом его основных мотивов и стиля.²⁰

Зов пророчестве, ризи на мутных висях, злат подземих гномов - явная стилизация образной структуры произведений Андрея Белого. Справедливо отмечено, что строка *В сиянии небо - вино и золото!* представляет собой реминисценцию из *Золота в лазури*.²¹ В стихотворении впервые прослеживается оппозиция, со всей определенностью воплотившаяся в последующих личных отношениях поэтов: Андрею Белому, приобщенному к мировой гармонии и пророчествующему на *висях*, противопоставлен Брюсов, в маске страстного и мстительного героя; первый образ отмечен оптимистической цельностью, второй - трагической дисгармонией. В 1904 г. Андрей Белый воспринял это стихотворение исключительно в личном плане, связывая его с обострением отношений между ним и Брюсовым, наступившим параллельно с усложнением чувств к Н.Петровской.

Нина Ивановна Петровская (1884-1928; второстепенная писательница из символистского круга, жена С.А.Соколова [Кречетова], поэта и главы издательства *Гриф*), была одной из участниц кружка "аргонавтов".²² Из числа единомышленников и соратников Андрей Белый начал выделять Петровскую, подчеркивая ее особую чуткость к нему: *С осени 1903 г. совсем неожиданно вырастает моя дружба с Н⁺⁺ (...)*²³

Отношение Петровской к Белому в это время было благоговейным; в мемуарах она сообщает, что считала его *новым Христом*. Постепенно эта духовная связь все более отчетливо вырисовывается для Белого, и он начинает воспринимать ее как реальное воплощение открытых и культивируемых им качественно новых человеческих отношений - непосредственной духовной близости, осуществляющейся в мистическом откровении и мистернальной любви. Ноябрь 1903 г.: *Моя тяга к Петровской окончательно определяется; она становится мне самым близким человеком, но я начинаю подозревать, что она в меня влюблена; я самое чувство влюбленности в меня стараюсь претворить в мистирию.*²⁴ Н.Петровская, в свою очередь, стремилась идти по стопам А.Белого; это подтверждает и ее рассказ *Последняя ночь* (октябрь 1903 г.), навеянный аргонавтизмом А.Белого и ему же посвященный. *Она отреклась от "Греха", облачилась в черное платье, каялась; на черном платье Ники Петровской лежала нить деревянных четок и большой черный крест. Такой крест носил и Андрей Белый.*²⁵ А.Белый обращает к Н.Петровской послания, в которых убеждает ее в особенном смысле их отношений, в том, что они связаны для Вечности.²⁷ Он идет в возникающем чувстве осуществления Грядущей благодати; любовь для него - еще одна сфера

доселе неведомых прозрений. Всякое возможное проявление чувственности он отвергает и с глубокой неудовлетворенностью и сожалением судит о возможности между ним и Н.Петровской земной человеческой любви. *Малую правду, свою человеческую, просто человеческую любовь они рядили в одежды правды неизмеримо большей,* — замечает в мемуарах В.Ф.Ходасевич, близко знавший Петровскую и Белого.²⁸

Андрей Белый отразил раннюю стадию своих переживаний, связанных с Н.И.Петровской, в стихотворении *Преданье*. Декабрь 1903 г.:
..пишу стихотворение *Sanctus Amor*, название отношениями с Н.И.Петровской..²⁹

Стремление Андрея Белого воспеть любовь как средоточие томлений по запредельному, как просветленный выход в недоступные обыденному миропознанию сферы, с наибольшей полнотой раскрылись в этом стихотворении. Именно такими хотел видеть А-Белый свои чувства к Н.Петровской.

Однако в конце января 1904 г. произошло изменение в их отношениях, которого так опасался Андрей Белый, потрясшее все его жизненные устои: произошло то, что назревало уже в ряде месяцев — мое падение с Ниной Ивановной; вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман. Я был в недоумении: более того, — я был ошеломлен; не могу сказать, что Нина Ивановна мне не нравилась; я ее любил братски; но глубокой, истинной любви к ней не чувствовал; мне было ясно, что все, происшедшее между нами, — есть с моей стороны дань чувственности. Вот почему роман с Ниной Ивановной я рассматриваю, как падение; я видел, что у нее ко мне — глубокое чувство, у меня же — братское отношение преобладало; к нему примешалась чувственность; не сразу мне стало ясно, поэтому не сразу все это мог поставить на вид Нине Ивановне; чувствовалось — недоумение, вопрос; и главным образом — чувствовался крик: я ведь так старался пояснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом, вдруг, — "такое". Мои порывания к мистерии, к "теургии" потерпели поражение.³⁰

Андрей Белый воспринял происшедшее как удар по своим идеалам "аргонавтизма";³¹ в его мироощущении зарождается то, что сам он позднее назовет *хаосом расхищения лбов*.³² Полный ощущения несостоятельности своих прежних духовных устремлений и убеждений, Андрей Белый продолжает тяготившие его отношения с Н.Петровской. В феврале 1904 г., как отмечает Белый, они приобретают явно чувственный характер³³ и в дальнейшем все более запутываются. А.Белый не видит нравст-

венного оправдания этого "романа", подмену "мистерии" "эротикой" он переживает крайне болезненно. Соединение "мистерии" и "эротики", по Белому, невозможно; одно должно неизбежно заместиться другим; и "эротика" вытеснила "мистирию"; ощущение непосредственной духовной близости заменилось "романом". Целостность жизненной концепции Андрея Белого, по его собственному признанию, не выдержала натиска извне; отсюда глубокий трагизм разочарования в себе, утрата уверенности в своей способности к жизнетворческому "подвигу", ощущение себя самозванным пророком.

В феврале, марте и позднее отношения Андрея Белого и Н.Петровской существенно не изменяются; по-прежнему Белый выражает глубокую неудовлетворенность собою. В апреле 1904 г. происходит столкновение между Петровской и Александрой Дмитриевной Бугаевой, матерью Андрея Белого; сам Белый приходит к выводу: *Все предидущие недели я осознавал ясно, что Н.И. не люблю и что я для отношения с ней только из боязни, что она наделяет глупостей (покончить с собой, или что-нибудь в этом роде); тогда я решаю остаться на несколько дней сам с собой, и, пользуясь зовом Метнера приехать к нему в Нижний Новгород, уезжаю из Москвы.*³⁴ К этому времени отношения Белого и Петровской не составляли тайны в символистском окружении, и Брюсов, едко иронизировавший над близостью грифиды (т.е. Н.И.Петровской) и ангелочка с демонскими крилишками,³⁵ ангелоподобного Андрея,³⁶ отмечал, в частности, по этому поводу в дневнике: *Ника Петровская предалась мистике... А Белого мать, спасая от "развертной женщины", послала на страстную неделю в Нижн(ий) Новг(ород). Сам он истудал и серьезно поговаривает, как хорошо бы поступить в монастырь.*³⁷ "Бегство" в Нижний Новгород благотворно повлияло на расстроенную психику Белого: *В Нижнем я оправляюсь несколько от ряда [жестоких] ударов, нанесенных моим утопиям о мистерии.*³⁸

К этому времени Андрей Белый относит и начало решающего поворота в своем мирозерцании: от "аргонавтизма", чаяния "мистерии" и порываний к запредельному - к строгой "теории знания", к неокантианству, попыткам выработать "систему символизма": *Возвращаясь из Нижнего, опустив забрало: лозунг "теургия" спрятан в карман; из кармана вынут лозунг: "Какт".*³⁹

В мае, по возвращении в Москву, тяготившая Белого связь не прекращается; заменить "эротические" отношения "братскими" ему не удастся, продолжение же отношений "эротических" он считает пагубным для себя: *...этим летом я ощущаю последствия "дадений"; духовный язык*

природы как бы закрился для меня.⁴⁰ Находясь в июне в родительском имении Серебряный Колодезь, он признавался Э.К.Метнеру: „для меня выяснилось одно: в мистическом отношении полоса затишья.“⁴¹

Конец июня Андрей Белый проводит в Москве, где почти ежедневно бывает у Н.Петровской; однако в июле он резко порывает с нею и возвращается Серебряный Колодезь. В августе уже происходит окончательный разрыв: „я заявляю Н.И.Петровской, что я - н е у м о л и м ; у нас происходит пренеприятная сцена объяснения; она прямо мне бросает, что я - влюблен в Л.Д.Блок; ее пронизательность удругает меня; я сам от себя стараюсь скрыть свое чувство.“⁴²

Еще более странный и драматический оттенок отношениям Андрея Белого и Петровской стала придавать зарождавшаяся близость Нины Ивановны и Брюсова.

Колебание жизненной линии в 1904-5 гг. Брюсов воспринимал как этапный, кризисный процесс в своем мироощущении, вызванный, с одной стороны, общественными катаклизмами 1905 г., с другой - глубоко личными переживаниями, связанными с любовью к Н.И.Петровской. Некоторое время спустя Брюсов занес в дневник краткую запись, свидетельствующую о чрезвычайной важности рассматриваемых отношений для понимания его биографии и творчества:

Из 1904-1905 года.

Для меня это был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги "Stephanov". Кое-что вошло и в роман "Огненный Ангел". Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние моей жизни и перейти на новое, начать всю жизнь сизнова.

Литературно я почти не существовал за этот год, если разумею литературу в Верлэнзовском смысле. Почти не работал: "Земля" напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Баллом и Мережковскими. Нигде не появлялся. Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов.“⁴³

Как связь двух врагов воспринимал свои отношения с Брюсовым и Андрей Белый, причем его чувства носили необычайно аффектированный характер. Ощущение Брюсова зловещим "магом" достигло в 1904 г. своего апогея, и Брюсов в восприятии Белого выступает вдохновителем его новых мистических коллизий. Еще в декабре 1903 г., в период искания "мистеральной любви", Андрей Белый стал относиться к Брюсову подсознательно враждебно. В феврале 1904 г., когда начинают запутываться его отношения с Петровской и обостряется мировоззренческий кризис, Белый, глубоко потрясенный крушением мистических упований, начинает все отчетливее воспринимать Брюсова как некий роковой фено-

мен, деформирующий его сознание. Восприятие Белым личности Брюсова граничит с психопатологическим кошмаром. Брюсов для него - знак инфернальных сил, тающих в глубинах сознания: ... с Брюсовым устанавливаются холодные, жуткие отношения; кроме того: я чувствую, что какая-то дверь, доселе отделявшая меня от преисподней - распахнулась: точно между мной и адом образовался коридор: и - вот: по коридору кто-то бежит; настигая меня; чувствую: этот бегущий - враг, меня осенило; враг - Брюсов.⁴⁴ С.М.Соловьев еще больше укрепляет Андрея Белого в мнении, что в Брюсове есть нечто магическое.

В феврале 1904 г. Белый пишет ряд стихотворений и отмечает влияние брюсовской поэтики на свое творчество, брюсовские интонации и ритмы: *Я пишу несколько отрывков стихотворных, посвященных Брюсову, и с удивлением вижу по ним, что от ритмов "Золота в Лазури" и следа не осталось; влияние поэзии Брюсова на себе я ощущаю болезненно; в этом влиянии точно слабеет во мне что-то; февраль могу назвать перегоранием "Золота в Лазури" и "Пепель".*⁴⁵

Это новые тенденции ярко проявились в стихотворении *Маг*,⁴⁶ в котором Андрей Белый изображает Брюсова, в противоположность собственным полукошмарным переживаниям, магом-властелином, одиноко царящим над вселенной.

*Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор,
Ты - вот: над взором тьма нависла..
Тяжелый, обожженный взор...*

Отточенные "металлические" строфы, логическая завершенность, лаконичность и ясность поэтического языка, столь свойственные стилю Брюсова, мы находим в этом стихотворении Андрея Белого. Неистовость красок, подчеркнутая эмфатичность всей образной системы *Золота в Лазури* заменяется глубокой внутренней цельностью стиха, органически входит в строгие формальные рамки. Стилю Брюсова следует здесь Андрей Белый, возвеличивая и образ Брюсова-поэта. Знаменательно, что в своем стихотворении, написанном в том же 1904 г., Андрей Белый возводит Брюсова на пьедестал; "маг" Брюсов трансформируется в гордого повелителя мира; в стихотворении, без сомнения, - "белый" маг. "Реальный" же Брюсов для А.Белого в это время - черномаг и отдушник, из которого, как из печки, в дни ужасов кто-то выбрасывает столбы серых паров⁴⁷, и это ощущение в особенности обострилось у Белого, когда между Брюсовым и Петроской установились близкие отношения.

Согласно мемуарным свидетельствам Ходасевича, в союз с Брюсовым Петровская вступила, руководствуясь первоначально лишь желанием ото-

мстить А.Белому за пограние ее чувства, однако союз тотчас же был закреплён взаимной любовью.⁴⁸ Натура раздвоенная и противоречивая, И.Петровская была склонна и к безудержной чувственности, и к мистической экзальтации. Отвергнутая Белым, но желавшая сохранить верность его "заветам", она делилась своими переживаниями с Брюсовым. Андрей Белый был постоянным объектом их интимных бесед: *Все, что было до Е.Н. - не существует, все о нем, эти два года минуту за минутой я рассказала тебе, не скрывая ничего*, - писала впоследствии Петровская Брюсову.⁴⁹ Первоначальное преклонение перед Белым, как учителем жизни, вызывало в свою очередь у Брюсова чувство соперничества, которым, отчасти, можно объяснить избранную им позицию: Брюсов хотел проверить крепость и стойкость мировоззрения своего "соперника". Андрей Белый позднее подробно описал эти сеансы мистических феттований:⁵⁰

... в подходе ко мне ощущал постоянно я некоторую предвзятость и обостренное любопытство, меня заставлявшее как-то сжиматься; теперь точно скинул он маску; весь стиль наших встреч - откровенное, испуленное нападение Брюсова на устои моего морального мира; и я отвечал не предвзято на это - перчаткой, брошенной Брюсову; между нами господствовал как бы визов друг друга на умственную дуэль; все-то чувствовалось, что между нами в глубинах туманного подсознания нашего зревает конфликт...⁵¹

В это время Брюсов уже был готов к реализации замысла *Огненного Ангела*, и его позиция по отношению к Белому отчасти объясняется и писательской заданностью - воплотить возможно точнее и полнее задуманные психологические типы, проверить "жизнь" сюжетные ходы.

Отметим, что мотивы поведения Брюсова были Андрею Белому совершенно неведомы. И он мучился в поисках вывода из создавшегося непонятного положения; духовное отчуждение сменялось исповедальной искренностью, стремлением к "братской" близости. Попытка как-то разрешить гнетущие отношения ярчайшим образом сказались в письме к Брюсову от 7 августа 1904 г. Андрей Белый призывает Брюсова к полной откровенности, и сам он стремится возможно искреннее раскрыть свои душевные терзания, исповедоваться в том, что *стыдливо прячешь где-то в самом далеком уголке души*.⁵² После окончательного разрыва любовных отношений с И.Петровской Андрей Белый еще более обостренно чувствует в Брюсове "врага"; это совпадает и со временем сближения Брюсова с Петровской. Осенью 1904 года углубилась трагедия между мною и Валерием Брюсовым максимально...⁵³ *Общая тональность этого времени - тревожная и мрачная; ощущение, что в р а г невидимый подступает ко мне, все усиливается; оно началось еще в феврале 1904 года; теперь - оно усиливается; и опять ощущение: в р а г этот - Брюсов. Я от Брюсова скрываю свое*

отношение к нему, но он словно чувствует его; и внимательно вглядывается в меня.⁵⁴

Октябрь, ноябрь и декабрь 1904 г. Андрей Белый считает кульминацией своей борьбы с Брюсовым. В октябре ему открывается то, чем обусловлена напряженность отношений:

..меня осеяет вдруг мысль: состояние мрака, в котором я нахожусь - гипноз, Брюсов меня гипнотизирует; всеми своими разговорами он меня поворачивает на мрак моей жизни; я не подозреваю подлинных причин такого странного внимания ко мне Брюсова: причина - проста: Брюсов влюблен в Н.И.Петровскую и добивается ее взаимности; Н.И. - любит меня и заявляет ему это; более того, она застаивает его выслушивать истерические преувеличения моих "светлых" черт; Брюсов истинно чувствует ко мне острое чувство ненависти и любопытства; он ставит себе целью: доказать Н.И., что я сорвусь в бездну порока; ему хотелось бы меня разератить; и этим "о т м с т и т ь" мне за невольное унижение его; вместе с тем: любовь к сомнительному психологическому эксперименту невольно поворачивает его на гипноз; он не удовлетворен разговорами со мной на интересующую меня тему; он старается силой гипноза внушить мне - любовь к разерату, мраку.⁵⁵

Если верить многочисленным свидетельствам Андрея Белого, Брюсов действительно стал сознательно выступать в роли "мага", демонического искусителя и служителя "тьмы". Памятуя о большой компетентности Брюсова в оккультных науках, можно предположить реальную возможность этих гипотических экспериментов, проявление которых, было, конечно, Андреем Белым невероятно преувеличено:...предо мною порой раскрывается "маг" Брюсов, не брезгающий гипнотизмом и ризирующий по сомнительным оккультическим книжкам, как рысь по лесам, за отысканием приемов весьма подозрительно(го) эксперимента.⁵⁶

Все эти приемы оказывали на тонкую душевную организацию Андрея Белого чрезвычайно сильное воздействие. Белый видел в них выражение той темой, дьявольской, плотской стихии, которую стремился отринуть во имя сверхреальных духовных ценностей. При встречах в гостях он [Брюсов] с таинственной интимностью подсаживался ко мне, откинул в темной уголок, усаживал рядом; и начинал говорить преувеличенные комплименты; вдруг, сквозь них, больно всаживал он, точно рапиру, подкалывая - "дьявольским афоризмом", или пугая намеком, что этот подкол может стать...и боем на рапирах.⁵⁷ В ответ на постоянно декларируемое Андреем Белым противостояние темным силам (Я иду к Свету, борюсь с мраком⁵⁸) Брюсов еще более стремился выступать служителем тьмы: стиль нашего умственного поведения с Брюсовым носил один характер: я утверждаю - "свет победит тьму". В.Я. отвечает: "мрак победит свет, а вы погибнете."⁵⁹ Это проявлялось даже при курьезных бытовых обстоятельствах; Андрей Белый зафиксировал, например, такой случай:

раз я, приподнявши бокал, возгласил: "Пью, за свет". В.Я. Брюсов, усевшийся рядом со мною, вскопчил, как ужаленный, он, поднимая бокал, прогортанил: "За тьму!" ⁶⁰

В письме к А.А. Блоку - декабрь 1904 г. - Андрей Белый сообщал даже о *медиумических явлениях*, происходящих в его квартире: мгновенно тухла лампа, полная керосину, раздавались непонятные стуки, шепот, звуки выстрелов и т.д. ⁶¹

Защита Брюсова "тьмы", несомненно, была лишь умелым исполнением взятой на себя роли, но она имела под собой серьезное и глубокое внутреннее противостояние всей мировоззренческой системе Андрея Белого. Это противостояние осуществлялось и в поэтическом творчестве. ⁶²

В том же 1904 г. Брюсов работал над стихотворением *Предание*. Это был отклик на рассмотренное выше стихотворение Андрея Белого под тем же названием, навеянное переживаниями ранней стадии отношений с Н.Петровской. Стихотворение посвящено Андрею Белому, в него целиком перенесены все особенности первоисточника, последовательно выдержаны стиль, образно-сюжетная схема, размер - четырехстопный ямб - и система рифмовки основных частей стихотворения Андрея Белого. Но в трактовке темы Брюсов отходит от первоисточника, утверждая именно те ценности, отказ от которых воспел Белый: если в стихотворении Белого воплощены мистические томления по "святой", "мистериальной" любви, то Брюсов воспевает свою земную любовь к Н.Петровской.

В описании заката на море и отплытия пророка вдаль Брюсов почти буквально повторяет Белого.

У Белого:

*На башнях дальних облаков
Ложились мягко аметисти.
У каменистых берегов
Челнок качался золотистый.*

*Диск солнца грустно ниспадал,
Меж тем как плакала сибилла.
Средь изумрудов мягко стлал
Столбы червонные берилла.*

У Брюсова:

*И весь челнок и плащ пловца
Сверкали ясным аметистом;
В кудрях пророка, вдреж лица,
Закат горел венцом лучистым.*

*И в грозно огненный закат
Уйдя безумными очами,
Пловец не мог взглянуть назад
На скудный берег за волнами.*

*Меж ним и берегом росли
Огни топазов и берилла,
И он не видел, как с земли
Стремился взор за ним Сибилла.*

У А.Белого пророк перед своим отплытием надевает сибилле венок:

*Сибилла грустно замерла,
Откинув пепельный свой локоп,
И ей надел поверх чела
Из бледных ландышей венок он.*

Две последние строки из этого четверостишия Брюсов взял эпиграфом к своему стихотворению. В брюсовском *Предании* после отплытия пророка сибилле является верховный жрец и снимает надетый пророком венок:

*И тень, приблизившись, легла,
Верховный жрец отвел ей локоп,
И тито снял с ее чела
Из белых ландышей венок он.*

Далее Брюсов живописует тайную любовь жреца и сибиллы. Воспетую Андреем Бельм "святую", мистическую, исполненную молитвенной умиротворенной созерцательности любовь он заменяет трагической страстью, всепоглощающей эротикой; на сибилле вместо венка из белых ландышей - венки из роз. ⁶³

*Струи священного вина
Пьянили мысль, дразня желанья,
И, словно в диком вихре сна,
Свершались таинства лобзанья.*

*На ложе каменном они
Безрадостно сплетали руки:
Плясали красные огни
И глухо повторялись звуки.*

*Но вдруг припомнив о биле,
Она венки из роз сривала,
На камни падала лицом,
И долго билась и стенала.*

*И кротко жрец, склонясь над ней,
Вершил заветные заклатья,
И вносил, под плясками огней,
Сплетались горькие объята.*

Безусловно, в этих строфах отражены отдельные психологические моменты отношений Брюсова и Петровской, которые впоследствии были подробно описаны Брюсовым в *Огненном Ангеле*.

В стихотворении Андрея Белого сибилла остается ждать пророка, и на камне навеки остается надпись *Sanctus Amor*. Стихотворение Брюсова заканчивается картиной, отсутствующей в *Предании* Андрея Белого: про-

рок возвращается к сибилле, возвещая ей вечное свидание.

*Спросил он: "Ты ждала меня?"
Сказала "Верила и знала",
Лучом сапфирного огня
Луна их лик поцеловала.*

*Рука с рукой к прибору воли
Они сошли, вдвоем откине...
Как сердолик - далекий член
На хризолитовой равнине!*

*А в башне, там, где свет погас,
Седой старик бродил у окон,
И с моря не сводил он глаз,
И целовал в последний раз
Из мертвых ландишей веком он.*

Воспетая Андреем Белым "мистериальная" любовь оказывается скомпрометированной, спародированной: вечным свиданием вознаграждена, как непорочная хрица, сибилла, отдававшая любовь седому старику, и это позволяет Брюсову выдвинуть, как высшую ценность, "хаотическое" земное человеческое чувство. Все цитаты из Андрея Белого, тщательно воспроизводимые Брюсовым, действуют против первоисточника. Брюсов писал стихотворение в ноябре 1904 г., затем дорабатывали в 1905-1906 гг., но так и не опубликовал его; в 1906 г. он прочел его в присутствии А.Белого (как "подражание" последнему) на весере у Ходасевича.⁶⁴

В ноябре 1904 г. ощущение своей роковой подсластности Брюсову усиливается у Андрея Белого до такой степени, что в последних строках написанного Брюсовым и посвященного ему же в 1903 г. стихотворения

*Я много верил, я проклял много
И мстил неверным в свой час кижалом*

он начинает видеть личную угрозу себе. В эти дни создает стихотворение *Отчаянье*,⁶⁵ в котором образ Брюсова запечатлен в строках:

*Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользает вдоль гладкой мостовой
И, удлившись, вдруг истает.*

*Душа, остановись - замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья!*

Брюсов становится для меня темным, безвестным другом-врагом, проклящим к о п ь л я м и гипноза, - вспоминал А.Белый о ноябре 1904 г. - То я начинаю сознавать, что все "это" есть наваждение; боюсь с обесиливающим меня "сном смертной ленности"; и - с Брюсовым; эта борьба выражается странно; она доходит до видимости каких-то "магических" сеансов между нами... И когда я восклицаю - "вонзайте в небо, фонари, лучей наточенные копья", то я как бы уступаю действию гипноза

Брюсова. ⁶⁶

Трансформированный образ Брюсова возникает и в философско-поэтической прозе Андрея Белого (*Химеры, Сфинкс*). В первом из названных произведений описана борьба юности с солнечными волосами с преследующими его химерами; одна из них - некий профессор мрака, бросающийся на противника жадно и мстительно, слова его - море шипящих змей. ⁶⁷ В *Сфинксе* же представления, внушенные восприятием Брюсова, воплощены в образе мага, закрытого пледом; решительно ниспровергается магия: Ведовство, магия - это искусство вызвать ужас и глушить им людей. Всегда на руку ведуну вызвать в человеке зверя... Не ремесло человеку магия. Ужас - она. ⁶⁸

Рассматриваемый конфликт достиг высшего напряжения, когда Брюсов посвятил Андрею Белому свое стихотворение *Бальдеру Локи*; ⁶⁹ Локи - сам Брюсов, Андрею Белому (Бальдеру) он послал стихотворение, свернув лист в сиде стрелы.

*Светлый Бальдер! Мне навстречу
Ты, как солнце, взносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я покинул.
Я избегу к снегам, на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я взнесу багряной тучей:
Как звезда сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу, - и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.*

*Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о золотоудрый,
Лук волшебный наведен.
Я час веселья, в ясном поле,
Я слепцу вручу стрелу, -
Вскрикнушь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во малу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь к зловеющим скам, -
Я предам, со смелом, тело
Всем распятам! всем цепям!*

*Пусть в пещере лд змеиний
Жжет лицо мне, я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
Бальдер! Бальдер! ты в аду!*

*Не востще везали норны
Мне таинственный обет.
В питкаж вспомнит дуж упорный:
Нет! не весек в мире свет!
Даже настанет: огнебоги
Сломают мощь небесных сил*

*Ружнут Одина чертоги,
Ружнет древний Игдразил.
Выше радуги саященкой
Встанет зарево огня,
Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! - за меня.⁷⁰*

Учитывая, как обостренно переживал Андрей Белый проблему борьбы "света" с "мраком", Бога с дьяволом, небесного с земным, можно представить, что послание Брюсова он мог воспринять (и воспринял) только как нападение на всю свою жизненную позицию. Стихотворением *Бальдеру Локи* Брюсов ясно заявил, что он намеренно принял на себя личину "демона", дабы третировать чуждые ему мировоззренческие устои Андрея Белого.

Сохранилось несколько рисунков А.Белого, созданных под впечатлением от этого послания, где он изобразил себя и Брюсова.⁷⁰ На одном из них Брюсов, весь в черном, стреллет в Белого из лука, причем Белый облачен в светлые лдежды, на груди у него крестъ. Подпись к рисунку - две первые строки стихотворения *Бальдеря Локи*. На другом рисунке Брюсов обеими руками простирает стрелу к Андрею Белому, поднимающемуся из постели. И на этом рисунке воспроизведены стихи из *Бальдеру Локи*: *Воскрикнешь ти от жгучей боли, Вдруг повернутый во мглу.* Подпись к рисунку: *Чем занимается [великий] чумоносный человек, когда остается один.* На третьем рисунке пробудившийся от сна Андрей Белый видит над собой Брюсова с угрожающе простертыми к нему руками. Подпись: *Что снится тогда врагам великого человека.*

Образ Брюсова занял в этот отрезок времени важнейшее место в духовной жизни Андрея Белого; борьба с брюсовским "искушением" стала главным стимулом во всех его внутренних метаниях. Белый отказывался сдаваться натиску Брюсова, стремясь сокрушить "обставший" его "магизм". *Теперь тень пала для меня на Лих Валерия Брюсова, - сообщал он Блоку, - и мне предстоит выбор: или убить его, или самому быть убиту, или принять на себя подвиг крестных мук.*⁷²

14 декабря 1904 г. Андрей Белый отправил Брюсову - в ответ на *Бальдеру Локи* - стихотворное послание *Старинному врагу*,⁷³ сопроводив его особым листом бумаги, на котором начертил крестъ и привел несколько цитат из Евангелия; несомненно, он придавал этому определенный мистический смысл: отвержение крестным знамением "дьявольского" наваждения. Стремясь своим стихотворением сокрушить "демоническое" начало в Брюсове, Белый считал его вдохновленным *Незримым Светом*: *Пока писал - чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и - знал:*

на клочке послала заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии - раз навсегда; грохотала во мне сила света.⁷⁴ Стихотворение приводится по рукописи, посланной Брюсову:

СТАРИННОМУ ВРАГУ

в знак любви и уважения

*Я был в ущелье. Демон горный
Взмахнул крылом - затмился свет.
Он мне грозил борьбой упорной.
Я знал: в борьбе пощады нет.*

*И дьявь воздел. И облак белый
В лазурь меня - в лазурь унес.
Опять в эфирах вольный, смелый,
Оमितый ласковостью рос!*

*Ты несся ввысь со мною рядом,
Подобный дикому орлу.
Но опрокинут тяжким градом,
Ты пал, бессильный, на скалу.*

*Ты пылью встал, но пыль, но копоть
Снялит огонь, рассеет гром.
Нет, не взлетишь: бесцельно хлопать
Своим растрепанным крылом.*

- - - - -

*Моя броня горит пожаром.
Копье мне - молния, Солнце - щит.
Не приближайся: в гневе яром
Тебя гроза испепелит.*

1904 года 9-го декабря.

Эта ответная угроза уничтожить Брюсова-"демона" "Светом" произвела на него чрезвычайно сильное впечатление, о чем через Н.Петровскую узнал А.Белый: *Получив это стихотворение, он видит во сне, что между нами дуэль на рапирах и что я проткнул его шпагой; просыпается с болью в груди (это я узнал от Н.И.Петровской).*⁷⁵

Андрей Белый воспринял реакцию Брюсова как победу своего морального мира и образа мышления, как торжество "Света" над "тьмой". Это вело к разрешению глубокого внутреннего кризиса. Андрей Белый с удовлетворением писал: *Я чувствую, что силами молитв, обращенных к Серафиму, я стянул с себя наваждение...*⁷⁶; *...с того вечера: пропал Брюсов, стражающий в астрале; и не было нападаний, угасли в квартире "ф е н о м е н ы"; воля Брюсова была сломана: сброшен гипноз.*⁷⁷

Радость победы у Андрея Белого была небеспричинной. Брюсов, вероятно, действительно почувствовал несостоятельность своей роли "демона-искусителя" и гипнотизера перед выстрадавшими религиозными и моральными устоями Андрея Белого. И от "преследования" Белого Брюсов обра-

тился к его воспеванию. 1 января 1905 г. он написал стихотворение *Бальдеру. II*, полное намеков на отношения поэтов с Петровской, предпослав ему эпитафию из З.Н.Гиппиус: *Тебя приветствую, мое поражение.*

*Кто победил из нас, - не знаю!
Должно быть, ты, син света, ты!
И я, покорствуя, встречаю
Все безнадежные мечты.⁷⁸*

Помимо того, что это стихотворение - завершение умственного поединка поэтов, оно интересно и тем, что проясняет значительную роль которую играл образ Андрея Белого в отношениях Брюсова и Н.Петровской, той, за кого воздвигся бой, как пишет сам Брюсов. Он не отослал Андрею Белому стихотворение и не опубликовал его (безусловно, из-за узко личного характера), и Белый так и не узнал о его существовании.⁷⁹

Впоследствии ощущение мистической подвластности Брюсову у Андрея Белого постепенно исчезло, но неприязненные отношения оставались, грозя привести к новым осложнениям. Именно такое столкновение произошло в феврале 1905 г.; это был уже чисто "внешний" конфликт - инцидент между Брюсовым и Белым, едва не приведший к дуэли. Поводом для ссоры послужило отношения поэтов с Мережковскими.

Личные взаимоотношения Брюсова и Мережковских почти всегда были натянутыми и скрыто неприязненными; литературно Брюсов был далек от Мережковских более, чем от каких-либо других крупных русских символистов. Религиозно-философские построения Д.С.Мережковского вызвали недоумение и даже осуждение Брюсова; Андрей Белый, напротив, относился к ним с самым сочувственным вниманием. В январе 1905 г. А.Белый приехал в Петербург, где весьма сблизился с Мережковскими. Я ужасно как привязался к Дм(итрию) Серг(еевичу) и Зинаиде Ник(олаевне)..., сообщал он матери из Петербурга. -Ведь то, что я в религии получил от Мережковских, есть самое главное, что у человека должно быть в жизни. У меня на многое открылись глаза. Первый раз в жизни мои убеждения вполне закончились и определились.⁸⁰ На "воскресенье" у В.В.Розанова 16 января А.Белый делился своими пророчествами о *Зевре*, выходящем из бездны в лице *Бальмонта* и *Валерия Брюсова*.⁸¹ Мережковские приняли Андрея Белого в свою интимную религиозную общину⁸² седьмым членом. З.Н.Гиппиус подарила ему крест, который он демонстративно носил поверх одежды, праздно, после отторжения соблазнов, причастность свою к "Свету". Брюсов понял недвусмысленность этого жеста, с недовольством говоря, что *Борис Николаевич нас пугает крестом своим*.⁸³ Недовольство Брюсова касалось и усиления симпатий Белого к Мережковским и их литературной платформе.⁸⁴

По возвращении Андрея Белого из Петербурга Брюсов, зайдя к нему домой, завел разговор о Мережковском и оскорбительно отозвался о нем: *Вдруг без всякого повода, точно бутылка шампанского пробкою, хлопнул ругательством, — не на меня: на Д.С.Мережковского, зная, что у этого последнего жил и что для внешних я в дружбе с ним; я — оборвал Брюсова; он, отступая шага на два, свой рот разорвал: в потолок: — "Да, но он продавал..." — "что" опускаю: ужаснейшее оскорбление личности Мережковского; я — так и присел; он ткнув руку, весьма неприязненно вылетел.*⁸⁵

После ухода Брюсова Андрей Белый написал ему наскоро довольно резкое письмо, в котором осуждал злословие Брюсова: *Ведь Вы ругаете периодически всех. Вы и пишете нехорошие вещи про всех (про меня например)... Я позволил Вам бранить Мережковских сегодня в разговоре. Но предупреждаю, что без позволения я бы не мог выслушать теперь Ваши слова о Мережковских, особенно в присутствии третьего постороннего лица*⁸⁶; на следующий же день (20 февраля) Брюсов отправил Белому в ответ письмо, фактически явившееся вызовом на дуэль.

Акт, предпринятый Брюсовым, привел Андрея Белого в полное недоумение, так как он не видел для дуэли, и вообще для серьезной ссоры, никакого повода; вызов он воспринял как нападение, заранее организованное Брюсовым, таящим к нему ненависть полное отвержения Белым его психологического натиска. *Очевидно, что Брюсов искусственно строит дуэль, — писал Андрей Белый, — что причин к дуэли меж нами и нет; Мережковский — предлог, чтоб взорвать; вся дуэль — провокация Брюсова; для провокации этой имел он причины; а у меня причин не было принимать этот вызов. И Брюсову написал я письмо; и просил В.Я.Брюсова взвесить: коль будет он твердо настаивать на дуэли, то буду я вынужден согласиться, но именно — вынужден.*⁸⁷

В упомянутом письме Андрей Белый отказался признать свои слова оскорбительными и еще раз более сдержанно пояснил их смысл, уверяя Брюсова, что намекал в своем письме лишь на его *вспыльчивый темперамент: ...не понимаю, в каких именно оттенках слов Вы увидели нечто, оскорбившее Вас. Потрудитесь или переслать мне письмо с подчеркнутыми местами, или процитировать их, чтобы я мог их объяснить.*⁸⁸

О вызове Белый известил своих ближайших друзей С.М.Соловьева и Эллиса, прося их быть его секундантами. Однако дуэль не состоялась. 22 февраля Брюсов пришел к С.М.Соловьеву и оставил Белому письмо, в котором счел себя удовлетворенным представленными объяснениями.

Андрей Белый осмыслил вызов Брюсова в непосредственной связи

со всем характером их предшествующих отношений: ...у меня с Брюсовым должна была быть э м п и р и ч е с к а я, а не символическая дуэль, или, лучше сказать, тут символизм наших отношений хотел "о к о н - ч а т ь л ь к о в о п л о т и т ь с я" (как черт в Ивана Карамазова).⁹⁰ Вячеслав Иванов, бывший с Брюсовым в эти годы очень близок и имевший представление об этом "символизме" его отношений с Белым, узнав о вызове на дуэль, прислал Брюсову из Женевы негодующее письмо: *Благодарю силы, которые призывают на себя, за то, что преступление совершено тобою т о л ь к о в мире возможного. Ибо ты хотел убить Бальдера... Я предвидел, что Б. все сделает, чтобы избежать этого кощунственного поединка; но считал возможным и принятие вызова, в каком случае он, конечно, не поднял бы руки на тебя (твоя жизнь для него священная), но ты мог бы его убить, чтобы потом казнить самого себя... Исполни мое желание: помирись с Бальдером сполна и братски, ибо ведь и ты, себя не узнавший, — светлый бог.*⁹¹

Брюсов собирался описать в дневнике этот инцидент (сохранился заголовок: *История моей дуэли с Белым*⁹²), но так и не осуществил своего намерения.

После несостоявшейся дуэли в отношениях Брюсова и Андрея Белого наметились новые стороны, прежде всего — попытка отрешиться от внутренней враждебности, оставшейся после напряженных психологических схваток. Для А.Белого все более прояснились мотивы поведения Брюсова: *Марево разорвалось, — писал Андрей Белый Блоку. — Ничего не осталось. Теперь я узнал некоторые чисто биографические подробности, почему Брюсов по отношению ко мне был так жесток. Прощаю ему охотно. Я бессознательно делал ему много зла. Он мне мстил. Теперь я все понял. Как хорошо, что все относительно него яснее.*⁹³ Летом 1905 г. Белый уже писал Брюсову из Дедова: *Хочу сказать Вам из тишины, где душа ближе к самому себе, что я Вас всегда любил, а теперь еще более глубоко люблю, что бы между нами ни было в прошлом или в будущем.*⁹⁴ В июле, после поездки с Н.Петровской в Финляндию, Брюсов гостил у Андрея Белого и С.М.Соловьева в Дедове, где в их отношениях царил дружеская теплота; Брюсов, по словам Белого, всех "плеял". Обостренное ощущение обоими писателями личных конфликтов, наконец, вытеснялось горячей увлеченностью общественными проблемами российской действительности, которые всколыхнула революция 1905 года.

Из обширной переписки Брюсова и Андрея Белого конца 1906 — начала 1907 гг. явствует, что между писателями установились спокойные дружеские отношения, которые, все более укрепляясь, приобрели даже

оттенок своеобразной нежности и любви. Основой для этого сближения было общее дело - издание *Весов*. Острота и разность противоречий в основных вопросах мировоззрения сгладились, после обоюдного трагического кризиса во взаимоотношениях установилась умиротворенность. Брюсову принадлежат знаменательные слова: *Вспоминая наше далекое прошлое и глядя на недавно пережитые дни, я думаю, что уже нет таких событий, которые сделали бы нас чуждыми друг другу. Здесь - нечто, стоящее выше всех расчетов человеческих.*⁹⁵

В конце 1906 г. Брюсов сообщил Андрею Белому, находившемуся в Германии, о своем желании посвятить ему сборник рассказов *Земная ось*. Белый ответил благодарностью и согласием, и *Земная ось* вышла с посвящением: *Андрею Белому память вражды и любви.*⁹⁶

Посвящение можно рассматривать как своеобразное резюме личных отношений Брюсова и Андрея Белого 1903-1906 гг.

Установившаяся в ходе рассмотренной внутренней борьбы с А.Белым близость Брюсова и Н.Петровской к этому времени укрепилась. Еще к 1905 г. их отношения вылились в глубокую и сильную страсть, которая сыграла огромную роль в жизненном пути Брюсова и целиком овладела внутренним миром Н.Петровской. Летом 1905 г., когда Брюсов и Петровская проводили июньские дни в Финляндии, на Сайме, их отношения достигли своей кульминации. *Я радуюсь, что создавал, понимал смысл этих дней, - писал по возвращении Брюсов Петровской. - Как много раз я говорил, - да, то была вершина моей жизни, ее высший пик, с которого, как некогда Пизарро, открылись мне оба океана - моей прошлой и моей будущей жизни. Ты вознесла меня к зениту моего неба. И Ты дала мне увидеть последние глубины, последние тайны моей души;*⁹⁷ *И все, что было в горниле моей души буйством, безумием, отчаянием, страстью, перегорело, и словно в золотой слиток, вылилось в Любовь, единую, беспредельную, навеки.*⁹⁸ Последующее короткое расставание (июль - август 1905) породило лавину писем друг к другу, отсылавшихся почти ежедневно; Петровская в них вновь и вновь возвращалась к Сайме с воспоминаниями о бывшем счастье. В эти дни временной разлуки, в селе Антоновка, близ Тарусы, Брюсов приступил к непосредственной работе над *Огненным Ангелом*. - *Буду писать к Тебе, много, без конца, - сообщал он Петровской 7 июля 1905 г. - Буду писать и Т в о й роман, с сегодняшнего дня, с того часа, как вернусь домой. Он должен быть написан, и написан п р е к р а с н о, быть эпохой в литературе. Клянусь Тебе в этом.*⁹⁹

П р и м е ч а н и я

1. А.И.БЕЛЕЦКИЙ, Первый исторический роман В.Я.Брюсова.- Научные записки Харьковского гос.пед.инст-а.Т. III, Харьков 1940, 31.
2. См. напр.: К.МОЧУЛЬСКИЙ, Валерий Брюсов, Paris 1962, 136; Д.Е.МАКСИМОВ, Брюсов. Поэзия и позиция. Л. 1969, 181; Е.ЧУДЕЦКАЯ, "Огненный Ангел". История создания и печати.- Валерий БРЮСОВ, Собр. соч. в 7 томах, т.4. М. 1974, 346.
3. Письмо от 10 июля 1905 г.-Отдел рукописей Гос.библ. СССР им. В.И.Ленина (далее: ГБЛ), ф.386, карт.72, ед.хр.12. Ср.: С.С.ГРЕЧИШКИН, А.В.ЛАВРОВ, О работе Брюсова над романом "Огненный Ангел".-Брюсовские чтения 1971 года. Брван 1973, 123-126.
4. В.Я.БРЮСОВ, Огненный Ангел.-ГБЛ, ф.386, карт.32, ед.хр.2, л.55.
5. Там же, ед.хр.9, л.2. "Б.Н."-Андрей Белый (В.Н.Бугаев).-Ср. суждение В.Ф.Ходасевича о Петровской - Ренате: Она была истеричкой и это, быть может, особенно привлекало Брюсова:... он ведь знал, что в "великий век ведовства" ведьмами почитались и сами себя почитали - истерички (В.Ф.ХОДАСЕВИЧ, Некрополь. Bruxelles 1939, 18).
6. А.БЕЛЫЙ, Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития (1928).-ЦГАЛИ, ф.53, оп.1, ед.хр.74, л.9.
7. ЦГАЛИ, ф.376, оп.1, ед.хр.2.- Ср. характеристику Н.И.Петровской, которую дал Иоганнес фон Гюнттер (1886-1973), немецкий поэт и переводчик русских писателей: *Diese Frau, klein, eher rundlich, braun mit grünen Augen und einem großen, verderbten Mund, nicht hübsch im landläufigen Sinn, aber sehr auffallend und für viele erotisch aufregend, etwas aufreizend dämonisch, was manche neu gierig machen konnte, war das Urbild für Renate in Brjuwows Hezenroman "Der feurige Engel". Halb Moskau war in sie verliebt gewesen (Johannes von GUENTHER, Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München, Erinnerungen. München 1968, 362.*
8. Письмо от 19 октября 1902 г.-Отдел рукописей Инст.мировой лит. им.А.М.Горького (далее: ИМЛИ), ф.13, оп.3, ед.хр.21.
9. В кружке "аргонавтов" участвовали: Эллис, А.С.Петровский, В.В.Владимиров, С.М.Соловьев, А.П.Печковский, П.Н.Батушков, М.И.Сизов, А.С.Челищев, М.А.Эртель, Н.П.Киселев, Н.И.Петровская, С.Л.Иванов, Н.М.Малафеев, Д.И.Янчин, В.О.Нилендер, С.Л.Колыбинский - брат Эллиса, и др.
10. А.БЕЛЫЙ, Начало века. М.-Л., ГИХЛ, 1933, 54.
11. Письмо от 26 января 1903 г.- ГБЛ, ф.171, карт.24, ед.хр.1а.
12. Отрывки из нее были опубликованы в кн.: Альманах книгоиздательства "Гриф". М. 1903, 52-61.
13. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923).-ЦГАЛИ, ф.53, оп.2, ед.хр.3, л.41 об.
14. Письмо к П.П.Перцову.-Печать и революция 7 (1926), 43.
15. В.БРЮСОВ, Urbi et orbi. Стихи 1900-1903 гг. М. "Скорпион", 167.

16. К.В.МОЧУЛЬСКИЙ, цит.соч.,134.
17. О большом значении, которое имело для Брюсова изучение литературы по спиритизму и оккультизму, см.: П.И.БЕРКОВ, Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Брюсова.- Брюсовские чтения 1962 года. Ереван 1963,35.
18. Альманах книгоиздательства "Гриф".М. 1903,35. В этом же издании помещено стихотворение Александра Койранского "Валерию Брюсову", в котором образ поэта рисуется сходными штрихами:
*В немую даль веков пылкое ты проник
Прислушался к их звукам отзвучавшим
И тайный разговор расслушал и постиг.
Ты очертанья дал теням, едва мелькавшим.
Ты начертал свой круг и стал в нем, вещей маг!
и т.д.(стр.76).*
19. Письмо от 25 июля 1903 г.-ГБЛ,ф.167,карт.1,ед.хр.19.
20. В.БРЮСОВ, Urbi et orbi,168.
21. М.И.ДИКМАН, Примечания в кн.: Валерий Брюсов. Стихотворения и поэмы."Библиограф".Большая серия,второе изд.Л. 1961,762.
22. Знакомство с нею А.Белый относил к марту-апрелю 1903 г.:
*знакомлюсь с Соколовым-"Грифом", его женою, писательницей
Никой Петровской; начинаю бывать у них в доме довольно часто
(БЕЛЫЙ, Материал к биографии..,л.34 об).*
23. А.БЕЛЫЙ, Начало века,276.- Под литерой И.*Белый выводит в своих мемуарах Н.И.Петровскую, когда касается личных отношений.
24. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии..,л.42.
25. Ср. с "аргонавтическими" медитациями А.Белого томления самоубийцы - героя этого рассказа Н.Петровской: *И разгорался светоч, и иглы венца Его сладостной болью ранили меня, и, весь отдав себя Ему, я стал безмолвно ждать последнего, неведомого людям чуда; --Я знаю, Он придет вместе с солнцем...Под ноги Его я брошу мое земное, греховное тело, а душой потоку в Его Вечном, немеркнущем свете, и мы будем одно - я в Нем и Он во мне.. и т.д.(Альманах "Гриф".М. 1904,52,53).*
26. В.ХОДАСЕВИЧ, Некрополь,15,16.
27. Письма Андрея Белого к Н.И.Петровской.-ГБЛ,ф.25, карт.30, ед.хр.13.-Ср. посвященное Н.Петровской стихотворение А.Белого "Св.Серафим", в котором воспет образ христианского подвижника св. Серафима Саровского (А.БЕЛЫЙ, Золото в лазури. М., "Скорпион",1904,217-218).
28. В.ХОДАСЕВИЧ, Некрополь,16.
29. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии..,л.42.- А.Белый называет здесь стихотворение по заключительной формуле, несущей в себе его основной смысл. Это определение - "Sanctus amor" - привилось к образу вдохновительницы стихотворения. Н.Петровская впоследствии назвала так книгу своих рассказов (М."Гриф",1908); так озаглавил и стихотворение, посвященное Петровской, В.Ф. Ходасевич (Владислав ХОДАСЕВИЧ, Молодость.М."Гриф",1908,17-18).
30. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии..,лл.42 об.-43.

31. Необходимо отметить, что А.Белый ощущал и несколько ранее симптомы скорой утраты "аргонавтического" состояния оптимистической открытости. Из-под его пера все еще выходили произведения, свидетельствующавшие, казалось бы, о неизбежности выработанного мироощущения (строки "Световой сказки", конец 1903 г.): *Поют о Солнцеж девы Солнца, открывают в очах друг у друга солнечные знаки безвременья и называют жизнью эти поиски светов.* - Альманах "Гриф" М. 1904,11), но жизненные переживания с неизбежностью вели к осознанию, что на душе все более сгущается сумрак: *недоумение, неясность будущего; и - отчетливое ощущение, что "зори" - гаснут* (октябрь 1903 г.-А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., л.40 об.).
32. А.БЕЛЫЙ, Почему я стал символистом., л.16.
33. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., л.43.
34. Там же, л.45.- Эмилий Карлович Метнер (1872-1936)- философ и музыковед, близкий друг А.Белого. Андрей Белый писал матери перед отъездом: *...мне лучше на недельку уехать к Метнеру. Там я и поговорю, а то здесь мне будет трудно говорить, потому что, говоря, я должен буду подтвердить свои данные Богу обещания стоять на страже зарождающегося религиозного искания* (ЦГАЛИ, ф.53, оп.1, ед.хр.358).
35. Из письма Брюсова к П.П.Перцову от 5 декабря 1903 г.-ИМЛИ, ф.13, оп.3, ед.хр.23.
36. Из письма Брюсова к Э.Н.Гиппиус (1903).-ГБЛ, ф.386, карт.70, ед.хр.37.
37. ГБЛ, ф.386, карт.1, ед.хр.16.- В издании дневников 1927 г. (В.БРЮСОВ, Дневники.1891-1910. М. 1927)эта фраза опущена.
38. А.БЕЛЫЙ, Почему я стал символистом., л.18.
39. Там же.
40. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., л.46 об.
41. Письмо к Э.К.Метнеру, 1904, вторая половина июня.-ГБЛ, ф.167, карт.1, ед.хр.38.
42. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., л.48.- Об отношениях Андрея Белого и Любови Дмитриевны Блок см. статью В.Н.ОРЛОВА, История одной любви, в его книги: Пути и судьбы.М.-Л. 1963, 579-667.
43. В.БРЮСОВ, Дневники.М., изд. М.и С.Сабашниковых, 1927,136.
44. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., л.43 об.
45. Там же.Ср.: *С 1904 года "Пепель" еще - "пред-пепелит", а чистая лазурь, так сказать, - "после-лазурит"* (Письмо А.Белого к Р.В.Иванову-Разумнику от 1-2 марта 1928 г.- ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед.хр.18).
46. А.БЕЛЫЙ, Урна. Стихотворения.М."Гриф",1909,18-19. Стихотворение датировано: 1904, 1908, в издании 1923 г.: 1904.март.
47. Письмо А.Белого к Э.К.Метнеру (1904, первая половина мая).- ГБЛ, ф.167, карт.1, ед.хр.35.
48. В.ХОДАСЕВИЧ, Некрополь,18.
49. Письмо от 14 декабря (1905г).-ЦГАЛИ, ф.56, оп.1, ед.хр.95.
50. Письмо А.Белого к Э.К.Метнеру.- ГБЛ, ф.167, карт.1, ед.хр.35.

51. А.БЕЛЫЙ, Начало века. Берлинская редакция (1921-1922).-Отдел рукописей Гос. публ.библ.им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (далее:ГПБ), ф. 60, ед.хр.11, л.69.
52. ГБЛ, ф.368, карт.79, ед.хр.1.
53. А.БЕЛЫЙ, Начало века, 286.
54. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., л.49.
55. Там же, л.50.
56. А.БЕЛЫЙ, Начало века. Берлинская редакция (1921-1922), л.76.
57. А.БЕЛЫЙ, Начало века, 285. Вот, к примеру, один из таких "дьявольских афоризмов" Брюсова: *За Бога, допустим, процентов так сорок; и против процентов так сорок; а двадцать, решающих, - за скептицизм (там же, 284). Ср.: Помню один характерный разговор мой с Брюсовым, когда В.Я. воскликнул с совершенно искренним пафосом: "что же, Борис Николаевич, ведь в Апокалипсисе сказано, что гад будет повержен в смерть. И так: вы против Гада, против слабейшего? Мне - жал гада, бедный гад, я с гадом!" (А.БЕЛЫЙ, Воспоминания об Александре Александровиче Блоке.- Записки мечтателей, 6. Пб.1922,95).*
58. Из письма Андрея Белого к матери, А.Д.Бугаевой.- ЦГАЛИ, ф.53, оп.1, ед.хр.358.
59. А.БЕЛЫЙ, Воспоминания об А.А.Блоке,95.
60. А.БЕЛЫЙ, Воспоминания о Блоке.-Эпопея 1 (1922),261.
61. Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М. 1940,116.
62. В.БРЮСОВ, Неизданные стихотворения. М. 1935, 116-119. Авторская датировка стихотворения: 1904 - ноябрь, 1905 - март, 1906 - март (стр.119).
63. Белый цвет - древний символ высокой мистики, декларирующей в стихах и "симфониях" Андрея Белого. Говоря о своих и С.М.Соловьева исканиях, А.Белый отмечал в декабре 1900 г. *узнание апокалиптических переживаний в связи с "белым" цветом; смеясь мы говорили дру другу, что мы исследуем "белые начала" жизни; в них - великие наступающей великой эры пришествия Софии Премудрости и Духа Утешителя (А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., л.16).* Брюсов противопоставляет белым ландам А.Белого - символ чувственной любви.
64. Ходасевич детально воспроизвел в мемуарах этот эпизод:*Нина шепнула, чтобы за ужином я попросил Брюсова прочесть новые стихи. Ничего не подозревая (я тогда имел очень смутное понятие о том, что происходит между Ниной, Белым и Брюсовым), я так и сделал. Брюсов сказал, обращаясь к Белому: - Борис Николаевич, я прочту подражание вам. И прочел. (...)Белый слушал, смотря в тарелку. Когда Брюсов кончил читать, все были смущены и молчали. Наконец, глядя Белому прямо в лицо и скрестив по обычаю руки, Брюсов спросил своим самым горбатым и хлопочущим голосом: - Похоже на вас, Борис Николаевич? Вопрос был двусмысленный: он относился разом и к стилю брюсовского стихотворения, и к поведению Белого. В крайнем смущении, притворяясь, что имеет в виду только поэтическую сторону вопроса и не догадывается о подоплеке, Белый ответил с широчайшей своей улыбкой:*

- Ужасно похоже, Валерий Яковлевич!
И начал было расписаться в комплиментах, но Брюсов резко прервал его:

- Тем хуже для вас! (В.ХОДАСЕВИЧ, Некрополь, 69-70)

65. Альманах Гриф .М. 1905,9.

66. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии... , л.50 об.

67. А.БЕЛЫЙ, Химеры.- Весы, 6 (1905), 4-5.

68. А.БЕЛЫЙ, Сфинкс.- Весы, 9-10 (1905), 40/1.

69. Бальдр и Локи - герои скандинавских мифов, в том числе сказаний "Старшей" и "Младшей" Эдды. Бальдр - юный светлый бог, сын Одина; характерна его роль пассивной жертвы. Локи - стихийный, "демонический" многоликий герой; по его наущению погиб (ср. комментарий Брюсова к этому стихотворению в кн.: *Этефавос. Венок. Стихи 1903-1905 года. М. "Скорпион", 1906, 172*). Опубликовано впервые стихотворение было с подзаголовком: *Андрею Белому (Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства "Скорпион". М., 1905, 35-36)*.

70. В.БРЮСОВ, *Этефавос*, 49-50. В рукописном варианте есть знаменательные строки:

*Тетиу слепец подвинет,
Скульд направит лет стрели,
И твоя душа не минет,
Бальдер светлый, власти мелл!*

(М.И.ДИКМАН, Примечания в кн.: Валерий Брюсов. Стихотворения и поэмы, 768). Приведем еще несколько вариантов строк, не вошедших в окончательный текст стихотворения:

Бальдеру Локи (Андрею Белому)

*Лих твой, отрок златокудрий,
Тайной тенью омрачен. (...)*

*Ты как все сойдешь под кровлю
Грез злоеющих, грешных мук.
Я в тиши давно готовлю
Из ольхи волшебный лук. (...)*

*Боги света - им далеко,
Ваших радостей не счастье!
Но одно блаженство Локи
Не уступит азам - месть. (...)*

Бальдеру (Андрею Белому)

*Всеми, отрок светлоокий,
Ты, как ясный день, любим,
Я же - злой и хитрый Локи -
Застылаю даль, как дым. (...)*

*И падут в последнем бое
Боги светлые на щит,
Все земное, неземное,-
Сумрак, сумрак победит.*

(ГВЛ, ф. 386, карт. 6, ед. хр. 1, лл. 50-52).

71. ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 6, ад. хр. 4. Опубликованы В.Н. Орловым в кн.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, вклейка.- См. также более поздние шаржи А. Белого на Брюсова: С. ГРЕЧИШКИН, А. ЛАВРОВ,

"..Режешь времени поток".- Литературная Россия, 50 (1973), 14 декабря, 16.

72. Письмо от (18 или 19 декабря 1904 г.)- Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, 116.
73. ГБЛ, ф.386, карт.79, ед.хр.1.
74. А.БЕЛЫЙ, Начало века. Берлинская редакция (1921-1922), л.74. Стихотворение опубликовано в журнале Вопросы жизни, 3(1905), 100 - с посвящением В.Б.; в сборники не включалось; перепечатано в кн.: А.БЕЛЫЙ, Стихотворения и поэмы. М.-Л. 1966, 465. Первая строфа существенно отличается от публикуемой в рукописном варианте.
75. А.БЕЛЫЙ, Материал к биографии., 51.
76. Там же. Упоминается св. Серафим Саровский (1760-1833) - иеромонах Саровского монастыря, прославившийся как величайший подвижник; был глубоко чтим А.Белым.
77. А.БЕЛЫЙ, Начало века. Берлинская редакция (1921-1922), л.75.
78. В.БРЮСОВ, Стихотворения и поэмы. Вибл. поэта, большая серия, второе издание, 502-503. Это стихотворение Брюсов первоначально предполагал включить в сборник Стефанос. Рукописный вариант 6-ой строки:

Ты, за кого (сошлись ми) в бой.

(ГБЛ, ф.386, карт.6, ед.хр.1, л.54).

79. Андрей Белый полагал, что под влиянием его послания "Старинному врагу" было написано стихотворение Брюсова "Молния" (Стефанос, 66) - см.: Начало века. Берлинская редакция (1921-1922), л.75. Однако это неверно, ибо стихотворение "Молния" было написано Брюсовым 17 ноября 1904 г., т.е. до получения стихов Белого. Это стихотворение, особенно первая строфа

*Опять душа моя расколота
Ударом молнии, и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провали бития, -*

явилось прежде всего выражением глубокого внутреннего кризиса Брюсова, который был вызван отчасти и личными взаимоотношениями с Андреем Белым. В письме Брюсова к Л.Н.Вилькиной - ноябрь 1904 г. - это стихотворение названо им "фотографией" его "сегодняшней души" (ИРЛИ, ф.39, оп.3, ед.хр.833).

80. ЦГАЛИ, ф.53, оп.1, ед.хр.358. Дмитрий Сергеевич - Мережковский; Знайка Николаевна - Гиппиус (Мережковская).
81. Об этом известил Брюсова П.П.Перцов в письме от 17 января 1905 г. (ГБЛ, ф.386, карт.93, ед.хр.12). К.Д.Бальмонт был неприемлем для Белого культивированием своего "декаденства".
82. В "общину" входили Д.С.Мережковский, Э.Н.Гиппиус, Д.В.Фило-софов, сестры Э.Н.Гиппиус - Наталья Николаевна и Татьяна Николаевна Гиппиус и Антон Владимирович Карташев.
83. А.БЕЛЫЙ, Начало века. Берлинская редакция (1921-1922), л.137.
84. А.БЕЛЫЙ, Начало века, 171-172: А.Белый сам замечал сникотомы подспудной борьбы Брюсова и Мережковского за то, чтобы пере-тянуть его на свою сторону.

85. А.БЕЛЫЙ, Начало века, 469.- Сохранился рисунок Андрея Белого, из подписи к которому мы узнаем слова Брюсова: *Он продавал свои ласти, Борис Николаевич.* (Ласти - ласки; Белый пародирует манеру произношения Брюсова). Рисунок назван *Белым Как элословит великий человек* (Александр БЛОК и Андрей БЕЛЫЙ, Переписка, вклейка между стр. 128-129). Имеется в виду один слух о Д.С.Мережковском, отраженный в дневнике Брюсова. См.: В.Я.БРЮСОВ, *Моя жизнь*, (кн.14).-ГБЛ, ф.386, карт.1, ед.хр.16.
86. ГБЛ, ф.386, карт.79, ед.хр.2.
87. А.БЕЛЫЙ, Начало века.Берлинская редакция, л.138.
88. Письмо к В.Я.Брюсову от (21 февраля 1905 г.).-ГБЛ, ф.386, карт.79, ед.хр.2.
89. ГБЛ, ф.25, карт.10, ед.хр.9а.
90. Письмо к Э.К.Метнеру от 1 апреля 1905 г.- ГБЛ, ф.167, карт.1, ед.хр.44.
91. Письмо от 10 марта 1905 г.-ГБЛ, ф.386, карт.87, ед.хр.3.
92. В.Я.БРЮСОВ, *Моя жизнь*.-ГБЛ, ф.386, карт.1, ед.хр.16, л.37.
93. Письмо к А.А.Блоку (конец февраля - начало марта 1905 г.).- Александр БЛОК и Андрей БЕЛЫЙ, *Переписка*, 126.
94. Письмо от (9 июня 1905).-ГБЛ, ф.386, карт.79, ед.хр.2.
95. Письмо к Андрею Белому (*Ночь под Ласзу, 1907*).-ГБЛ, ф.25, карт.10, ед.хр.9а.
96. В.БРЮСОВ, *Земная ось. Рассказы и драматические сцены.1901-1906 г. М. "Скорпион", 1907.* Посвящение сохранялось и в переизданиях книги (изд. 2-е, доп., М. 1910; изд. 3-е. М.1910).
97. ЦГАЛИ, ф.376, оп.1, ед.хр.4.
98. Письмо к Н.И.Петровской от 29 августа 1905 г.- Там же.См. цикл стихотворений "На Сайме" в сборнике Брюсова *Επεφυος*, вдохновленный этой поездкой.
99. ГБЛ, ф. 386, карт.72, ед.хр.12.